

minibo**OK**

**ДЖЕЙМС
ДЖОЙС**

МЕРТВЫЕ

**Москва
2016**

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Д42

James Joyce
THE DEAD

Перевод с английского С. Хоружего

Оформление серии А. Старикова

Джойс, Джеймс.
Д42 Мертвые : [роман] / Джеймс Джойс ; [пер.
с англ. С. Хоружего]. — Москва : Издательств-
во «Э», 2016. — 96 с. — (Minibook).

ISBN 978-5-699-92541-4

«Мертвые» — повесть Джеймса Джойса, завершаю-
щая сборник «Дублинцы». Настоящий шедевр английской
новеллистики XX века. Писатель развивает центральные
темы западноевропейской прозы столетия — поднимает
вопросы отсутствия понимания между людьми, одиноче-
ства, осознания своего места в окружающем мире.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-699-92541-4

© Хоружий С., перевод, 2016
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

МЕРТВЫЕ

Лили, дочка швейцара, просто сбивалась с ног. Она еле-еле успела проводить одного джентльмена в каморку рядом с конторой на нижнем этаже и помогла ему там снять пальто, как тут же осипший колокольчик у входа опять зазвонил и надо было нестись со всех ног по коридору встречать следующего гостя. Хорошо еще, что дамы не находились на ее попечении. Об этом подумали мисс Кейт и мисс Джулия, они устроили дамскую гардеробную в ванной комнате наверху. Мисс Кейт и мисс Джулия были там, шушукаясь, суетясь, смеясь, и по очереди выходили к лестнице глянуть вниз и спросить у Лили, кто уже появился.

Это каждый год бывало большим событием, вечер с танцами у трех мисс Моркан. Собирались все, кто только их знал, и члены семейства, и друзья семейства, и участники хора Джулии, и все ученицы Кейт, кто достаточно подрос, и даже кое-кто из учеников Мэри-Джейн. И ни разу это не было неудачно. Насколько у всех хватало памяти в прошлое, всегда, все годы получалось блестяще — с тех самых пор как Кейт и Джулия, после смерти Пэта, их брата, выехали из дома на Стони-Баттер и, взяв к себе единственную свою племянницу Мэри-Джейн, поселились в этом мрачном, угрюмом доме

на Ашер-Айленд, наняв тут верхний этаж у зерноторговца мистера Фулэма, контора которого была внизу. Тому уж минуло добрых тридцать годков, никак не меньше. Мэри-Джейн была тогда девчушкой в коротких платьицах, а сейчас на ней держался весь дом, благодаря ее должности органистки в церкви на Хэддингтон-роуд. Она окончила академию и ежегодно устраивала концерт своих учеников в концерт-холле Эншент, в верхней из зал. Многие ее ученики были из хороших, видных семей, проживавших в сторону Долки и Кингстауна. Ее тетушки, хотя уже и состарились, тоже вносили свою лепту. Джулия, совсем поседевшая, по-прежнему оставалась первым сопрано в хоре у Адама и Евы, а Кейт стала слишком слаба, чтобы много выходить, и дома, в задней комнате, давала уроки музыки для начинающих на старом и неуклюжем инструменте. Лили, дочка швейцара, была им за приходящую служанку. Они жили скромно, однако считали, что важно хорошо питаться и всё должно быть самое лучшее: филей высшего качества, чай, что по три шиллинга, лучший портер. Но Лили редко делала оплошку в заказах, и потому у нее обычно был лад со всеми ее тремя хозяйками. Они переживали из-за всего, ну и что. Единственное, чего они не терпели, это если начнешь перечить.

Конечно, в такой вечер у них хватало причин, чтобы переживать. Потом, ведь десять уже давно прошло, а от Габриэла с женой все еще ни слуху ни духу. И вдобавок они ужасно боялись, что Фредди Малинз придет набравшись. Они ни за что на свете не хотели, чтоб кто-нибудь из учеников Мэри-Джейн увидел бы его под парами; в таком состоянии, случалось, с ним совершенно не было сладу. Фредди Малинз всегда приходил поздно, но они гадали, что же могло задержать Габриэла: вот оттого-то

они и выходили каждые две минуты к лестнице спросить Лили, не появились ли Габриэл или Фредди.

— Ох, мистер Конрой, — сказала Лили, открывая дверь Габриэлу, — мисс Кейт и мисс Джулия уж думали, вы вообще не придете. Добрый вечер, миссис Конрой.

— Ручаюсь, они так и думали, — сказал Габриэл, — только они забывают, что моя супруга, которая перед вами, тратит на свое одевание три смертных часа.

Он стоял на коврике, обивая снег со своих галош, а Лили подвела его жену к лестнице наверх и позвала:

— Мисс Кейт, миссис Конрой пришла.

Кейт и Джулия появились сразу и, спотыкаясь на темной лестнице, сошли вниз. Они обе расцеловались с женой Габриэла и сказали ей, что она пропащая душа, и спросили, а где же Габриэл.

— Я вот он, точный как дилижанс, тетя Кейт! Поднимайтесь, я иду следом, — откликнулся Габриэл из темноты.

Он продолжал рьяно отирать и обивать обувь, а три женщины поднялись, смеясь, наверх в дамскую гардеробную. Легкая кромка снега как пелерина окаймляла плечи его пальто и словно чехлом одевала носки галош, и когда пуговицы пальто, поскрипывая, просунулись сквозь задубевшие от мороза петли, изо всех складок пахло студеным, пряным воздухом улицы.

— Там что, снег опять, мистер Коунрой? — спросила Лили.

Идя впереди, она провела его в каморку и помогла снять пальто. Улыбнувшись трехсложному произношению своей фамилии, Габриэл посмотрел на нее. Худенькая девушка, еще подросток, с бледным личиком и соломенными волосами. Свет газового рожка делал ее еще бледней. Габриэл помнил ее совсем малышкой, она

сидела обычно на нижней ступеньке лестницы, баюкая тряпичную куклу.

— Да, Лили, — отвечал он, — и я думаю, он зарядил на всю ночь.

Он глянул на потолок, который вздрагивал от топота и шарканья ног наверху, на миг прислушался к звукам фортепьяно и вновь посмотрел на девушку, что старательно сворачивала и укладывала его пальто на полку.

— Скажи-ка, Лили, — спросил он дружеским тоном, — ты еще ходишь в школу?

— Ну что вы, сэр, — отвечала она, — со школы-то я уж боле чем год.

— А раз так, — сказал весело Габриэл, — то мы, глядишь, вскорости пожалуем на твою свадьбу, правда?

Девушка бросила на него взгляд через плечо и ответила с тяжелой горечью:

— Нынешние мужчины так они только наплетут, да от тебя бы попользоваться.

Габриэл покраснел, словно поняв свою ошибку, и больше не глядя на нее, сбросил галоши и с помощью шарфа принялся энергично наводить лоск на башмаки.

Он был плотным и довольно высоким молодым человеком. Румянец щек, продолжаясь вверх, создавал там и сям на лбу бесформенные пятна розового; на лице, лишенном растительности, беспокойно поблескивали линзы и золоченая оправа очков, скрывавших мягкий и беспокойный взгляд. Черные блестящие волосы, разделенные посредине пробором, по плавной кривой спускались ото лба за уши, и там их кончики слегка загибались подле следа, оставленного на коже шляпой.

Наведя блеск на башмаки, он выпрямился и одернул поплотнее жилет на своем полном туловище. Потом быстро вынул из кармана монету.

— Послушай, Лили, — сказал он, сунув монету ей в руки, — сейчас ведь Рождество, верно? Ну вот... это тебе небольшой...

Он быстро направился к дверям.

— Нет-нет, сэри! — воскликнула она, пускаясь следом за ним, — Я не могу взять, правда, сэри.

— Рождество! Рождество! — повторил Габриэл, переходя почти на бег и делая протестующий взмах рукой.

Видя, что он уже достиг лестницы, девушка крикнула ему вслед:

— Ладно, тогда спасибо, сэри.

Он ждал, пока не кончится вальс, стоя за дверями гостиной и слушая, как шаркают ноги и шелестят юбки, задевая за дверь. Немного он еще был под воздействием ее неожиданной реакции, такой горькой. Это портило настроение, и он попытался отвлечься, поправляя запонки и узел галстука. Потом вынул листок из жилетного кармана и просмотрел список пунктов, заготовленных к предстоящей речи. Он не решил еще насчет строчек из Роберта Броунинга, были опасения, что для слушателей это чересчур. Лучше бы такую цитату, которую все узнают, из Шекспира или же из «Мелодий». Грубоватый стук мужских каблуков, шарканье подошв напоминали ему, что культурный уровень там у них не тот же, что у него. Он только выставит себя на смех, если начнет цитировать им стихи, которых им не понять. Они подумают, он кичится своим образованием. И его постигнет с ними фиаско, так же как с девушкой в камере. Он взял неверный тон. Вся речь, с начала и до конца, была ошибкой, чистым фиаско.

В этот самый момент из дамской гардеробной вышли две его тетушки и его жена. Обе тетушки были уже очень в годах, небольшого роста, в строгих нарядах. Тетя

Джулия была на дюйм или два повыше. У нее были седые волосы, начесанные низко на уши, и какого-то похожего белесоватого цвета, с более темными тенями по нему, было ее крупное вялое лицо. Хотя она была плотно сложена и держалась прямо, ее замедленный взгляд и слегка приоткрытый рот придавали ей вид женщины, которая плохо представляет, где она и куда направляется. Тетя Кейт выглядела живее. Лицо у нее имело более здоровый цвет и было все в складочках и морщинках, словно печеное яблоко, а волосы, заплетенные на тот же старомодный манер, не потеряли своего теплого орехового тона.

Они обе от души расцеловались с Габриэлом. Он был любимый племянник, сын Элин, их покойной старшей сестры, что вышла замуж за Т. Дж. Конроя из Портового управления.

— Грета мне говорит, вы не хотите сегодня ехать назад в Монкстаун, — сказала тетя Кейт.

— Нет-нет, — произнес Габриэл, оборачиваясь к жене, — с нас хватит прошлого года, ты согласна? Вы помните, тетя Кейт, как она простудилась тогда? Окошки у кеба дребезжали всю дорогу, и как проехали Меррион, к нам тут же начало задувать с востока. Чудное приключеньице. Грета схватила ужасающую простуду.

Тетя Кейт сурово нахмурилась и согласно кивала при каждом слове.

— Ты абсолютно прав, Габриэл, — сказала она. — Лучше быть осторожней.

— Но если спросите Грету, — добавил Габриэл, — она бы пошла домой по снегу пешком, если б ее пустили.

Миссис Конрой засмеялась.

— Не слушайте его, тетя Кейт, — сказала она. — Он вечно выдумывает проблемы, то надо зеленый абажур